

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Журбина И.В. Фигура патриота в современной политике // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 73-93.
https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_73

УДК 1:32.019(045)

DOI 10.17506/26867206_2024_24_4_73

Фигура патриота в современной политике

Ирина Викторовна Журбина

Удмуртский государственный университет

г. Ижевск, Россия

E-mail: soloveyIV1@mail.ru

*Поступила в редакцию 19.04.2024, поступила после рецензирования 18.06.2024,
принята к публикации 18.11.2024*

В статье фигура патриота рассматривается в аспекте экономической глобализации, трансформирующей представления как о космополитизме, так и о патриотизме. Показано, что в мире экономической глобализации позиция патриотизма является ответной реакцией множества людей на доминирование политики глобального капитала и бизнеса, ориентированной на формирование безответственных наемников и бездомных кочевников. В условиях глобальной мобильности патриот противопоставляется не космополиту, а наемнику как маркеру космополитизации мира. Актуальность фигуре патриота придает то, что именно с ней связывается создание новой парадигмы политического в условиях доминирования экономической реальности. Наемничество рассматривается как результат кризиса государства (античный полис, Римская империя, княжества эпохи Возрождения), разрушающего основы объединения граждан, готовых встать на защиту Родины. В статье выход из кризиса непосредственно связывается с возрождением патриотизма, предполагающим реэмиграцию людей из эгоистичного мира наслаждений и удовольствий

© Журбина И.В., 2024

в мир социальной ответственности и гражданской солидарности. Возрождение патриотизма рассматривается на основе двух проектов: проекта любви к человечеству (М. Хардт, А. Негри) и проекта возрождения демократии равенства (А.С. Панарин). В первом варианте патриотизм представляется на основе *amor patriae*, трактуемой предельно широко как любовь к человечеству (*amor humanitatis*). Фигура патриота выступает под разными именами – борец, республиканец, революционер, каждое из них демонстрирует разные его ипостаси, задействованные в глобальной борьбе множества за идеалы всемирной демократии, которые могут реализоваться только в пределах республиканского устройства. Во втором варианте возрождение патриотизма рассматривается как внутренний процесс, инициированный «революцией сознания». «Революция сознания» представляется на основе нескольких «поворотов», демонстрирующих становление гражданина и патриота. Здесь патриот именуется демократом, поддерживающим идеалы социальной справедливости и равенства в пределах национальной территории.

Ключевые слова: экономическая глобализация, космополитизация, наемник, патриот, патриотизм, возрождение патриотизма, *amor humanitatis*, революция сознания

Благодарности: Работа выполнена в рамках финансирования государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ FEWS-2024-0005 «Исследование и разработка методологических и теоретических подходов по формированию патриотизма и профилактике конфликтного и деструктивного поведения молодежи в условиях современного кризиса в России».

The Figure of The Patriot in Contemporary Politics

Irina V. Zhurbina

Udmurt State University,
Izhevsk, Russia,
E-mail: soloveyIV1@mail.ru

Received 19.04.2024, revised 18.06.2024, accepted 18.11.2024

Abstract. The article examines the figure of *the patriot* in the context of economic globalization, which tends to reshape the concepts of both *cosmopolitanism* and *patriotism*. It argues that *patriotism* emerges in an era dominated by global capital and business as a response from individuals who resist the rise of irresponsible mercenaries and rootless nomads. Within the framework of global mobility, *the patriot* serves as a counterpoint to the *mercenary*, rather than to *the cosmopolitan*, since it is the figure of *the mercenary* who emphasizes the cosmopolitization of the world. The figure of the patriot is relevant nowadays since it appears to become a key element of a new political paradigm shaped by economic realities. The rise of mercenarism reflects a crisis in the state – historically seen in the ancient polis, the Roman Empire, and Renaissance princedoms – that undermines the foundations of a citizenry willing to defend their homeland. The author argues the resolving this crisis is directly linked to the revival of *patriotism*, which involves a shift from a self-indulgent pursuit of pleasure to one of social responsibility and civic solidarity. The revival of patriotism is discussed in terms of two projects: the project of *love for humanity* (Hardt, Negri) and the project for the revival of *democratic equality* (Panarin). In the first framework, *patriotism* is presented through the lens of *amor patriae*, interpreted

rather broadly as “love for humanity” (*amor humanitatis*). Here, the figure of the *patriot* is presented under various appellations – *fighter*, *republican*, *revolutionary* – each highlighting different aspects of the collective struggle for the ideas of global democracy, achievable only within the republican system. In the second framework, the revival of *patriotism* is seen as an internal process, stimulated by a “revolution of consciousness”, characterized by several transformative *turns* that contribute to the formation of both *the citizen* and *the patriot*. In this context, *the patriot* is regarded as a democrat who supports the ideals of social justice and equality within the national territory.

Keywords: economic globalization; cosmopolitization; mercenary; patriot; patriotism; revival of patriotism; *amor humanitatis*; revolution of consciousness

Acknowledgments: The work was funded by the state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, under the project FEWS-2024-0005, titled “Research and Development of Methodological and Theoretical Approaches to the Formation of Patriotism and Prevention of Conflict and Destructive Behavior of Youth in the Context of the Current Crisis in Russia”.

For citation: Zhurbina I.V. The Figure of The Patriot in Contemporary Politics, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 73-93. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_4_73

Введение

Существование современного мира как целого наиболее полно выражает концепция глобализации. Термин «глобализация» одновременно указывает как на глобальные процессы, так и на его результаты. Глобальные процессы оказывают сильное влияние на экономику, политику и сферу социальной жизни. В экономике доминирующее положение занимают транснациональные корпорации, которые в силу своей экстерриториальности обеспечивают свободу передвижения капитала, рабочей силы, финансовых рынков и т.д. Контроль национальных правительств за деятельностью транснациональных корпораций прекращается, но при этом усиливается влияние надгосударственных институтов управления экономикой – Международного валютного фонда, Всемирного банка, Всемирной торговой организации и т.д.

В сфере политики глобализационные процессы привели к ослаблению суверенитета национальных государств, которые попадают в зависимость от транснациональных корпораций и наднациональных политических институтов и органов власти (Организации Объединенных Наций, Совета Безопасности ООН, Политической организации Североатлантического договора, Европейского союза, Европейского парламента). Традиционная оппозиция «национальное – интернациональное» замещается понятием «транснациональное», означающим поглощение реальностью экономической реальности политической. В результате такой подмены единственно возможной политикой государства становится «политика глобального бизнеса» (Бек 2003: 44). «Человек политический» (*homo politicus*) эпохи либерализма замещается неолиберальным концептом «человека экономического» (*homo oeconomicus*), демонстрирующим модель потребителя глобального рынка товаров и услуг (Мартьянов 2017).

Глобальные процессы оказывают сильное влияние и на представления о социальной жизни, что выражается в переходе от «социального как общества» к «социальному как мобильность» (Урри 2012а). Глобализация формирует совершенно новые формы перемещений не только информации, идей, вещей, но и людей, которые вовлекаются в движение, невольно подчиняясь внешнему требованию глобального мира – «Будь мобильным, передвигайся!». «Мобильный поворот» (mobility turn) от «седентарного» подхода к обществу, свойственного эпохе «твердой модернити», к «номадическому», характерному для «текучей современности» (Бауман 2008), изменяет традиционное представление о космополитизме (от др.-греч. κόσμος – вселенная и πολιτής – гражданин) и гражданстве.

На смену космополитизму как идеологии мирового гражданства приходит такой феномен, как космополитизация, под которым понимается внутренняя глобализация, развивающаяся «изнутри национальных обществ» (Бек 2003: 25). Если космополитизм являлся в большей степени мировоззренческой и культурной установкой меньшинства людей, то космополитизация соотносится с экономической позицией большинства. Космополитизация способствует созданию космополитических обществ, состоящих из индивидов, максимально включенных в процессы глобализации на уровне образа жизни. Однако степень космополитизации жизни множества людей непосредственно зависит от объема «капитала подвижности» (Flamm, Kaufmann 2006: 174-175). Именно «капитал подвижности» индивидов разделяет общество на транснациональные элиты и локальное население, различающиеся между собой по характеру социальной мобильности, под которой начинает пониматься жилищная и трудовая мобильность, миграция, туризм и т.д.

Социальная мобильность оказывается результатом либо принудительного выбора людей (бездомные, трудовые мигранты, беженцы, перемещенные лица), либо осознанного решения людей, живущих установками глобального мира – «Будь мобильным, передвигайся!». С одной стороны, угроза голодной смерти, репрессий, отсутствие необходимых условий жизни в своей стране (разруха, безработица, военное положение) вынуждают множество людей, у которых нет иного выхода из сложной жизненной ситуации, становиться «негражданами». С другой стороны, выгодные условия труда по контракту, поиск более комфортных условий жизни, желание перемены мест инициируют переезд людей в другую страну, в которой они становятся «чужестранцами». Современная космополитизация мира поднимает радикальный вопрос: «Как это возможно – быть дома, будучи вдали от дома, быть дома, не будучи дома?» (Бек 2003: 46), который обнаруживает пределы реализации идеи мирового гражданства.

Экономическая глобализация показывает, что истинными космополитами, в полной мере выражающими идеалы мирового гражданства, являются транснациональные элиты, к которым относятся глобальные капиталисты: владельцы транснациональных корпораций, банкиры, топ-менеджеры – сотрудники международных организаций (ЮНЕСКО, МОТ, Всемирный банк, МВФ, ВОЗ), «глобальные знаменитости», обладающие

всей полнотой «капитала подвижностью», демонстрирующие высшую степень мобильности (Урри 2012b: 248).

В современной социальной философии для транснациональной элиты существует такое понятие, как «глобтроттер» – человек, постоянно путешествующий по миру (Бауман 2004: 128-132), «трансконтинентальный бродяга» и «транзитный пассажир», не привязанный ни к какому месту, но имеющий финансовые возможности примерять разные страны на роль наиболее комфортной страны проживания¹ (Айер 1998). Парадоксальность жизни транснациональных элит заключается в том, что они везде ощущают себя посторонними и чужаками, но при этом воспринимают весь мир как дом, имея несколько паспортов, обеспечивающих гражданство разных государств, недвижимость во множестве стран мира, счета в иностранных банках и т.д.

В этом смысле процесс космополитизации в полной мере демонстрирует идею денег, которая становится идеологией в мире экономической глобализации, базирующемся на негласном принципе «Деньги, только деньги, ничего, кроме денег». Это свидетельствует о том, что у представителей капитала, которые сделали глобализацию своей профессией, нет национальности (Бек 2003: 42). К современным «гражданам мира», демонстрирующим идеалы экономической глобализации, не применимо даже высказывание «Родина там, где кормят», поскольку оно содержит слово «Родина». В эпоху глобализации политический принцип «или/или» заменяется на экономический принцип «и/и», который порождает противоречивое понятие «космополитические патриоты».

Понятие «патриот» начинает прочитываться заново в контексте современной реальности. Актуальность фигуре патриота придает то, что именно с ней исследователи связывают создание новой парадигмы политического в условиях доминирования экономической реальности (Хардт, Негри 2006: 70-73). Использование метода философской герменевтики, работающего на категориальном уровне, позволяет проследить трансформацию традиционных смыслов таких понятий, как «наемник», «гражданин», «патриот», и выявить политический смысл патриотизма в мире экономической глобализации.

Экономическая глобализация и эффект наемничества

В условиях глобализации разделение капитала и труда, а также неравномерное распределение трудовых ресурсов и различие в уровне заработной платы в развитых и развивающихся странах приводят к тому, что модель устойчивой занятости и «защищенного труда» заменяется на модель «гибкого рынка труда». Трудовая миграция становится, с одной стороны, показателем глобальной мобильности, с другой стороны, она размывает

¹ Айер П. Жизнь транзитного пассажира / пер. с англ. Т. Чернышевой // Русский журнал. URL: www.old.russ.ru/journal/personss/98-11-13/iyer.htm (дата обращения: 21.12.2023).

институты национального гражданства и актуализирует процесс наемничества. Традиционно наемничество рассматривается в качестве социального признака космополитизма, а появление наемника свидетельствует об упадке гражданского патриотизма в стране.

Если обратиться к идее космополитизма, то она начинает распространяться в период эллинизма (Бровкин 2020; Шестова 2019), а ее появление обусловлено, в частности, кризисом полисной организации государства, а также ослаблением привязанности индивида к его гражданству. Однако в это время утверждение Диогена Синопского «Я – гражданин мира», о котором Диоген Лаэртский написал: «Единственным истинным государством он считал весь мир», и высказывание Кратета «Мне родина – не крепость и не дом, мне вся земля – обитель и приют, в котором – все, что нужно, чтобы жить» (Диоген Лаэртский 1979: 254, 257, 266), отражают позицию одиночек, осознанно и добровольно выбирающих идеалы космополитизма. В отличие от космополита наемник является противоречивой и парадоксальной фигурой, соединяющей две противоположные роли: с одной стороны, он служит или работает на благо конкретного государства, с другой – делает это ради личной финансовой выгоды, то есть получает за это деньги. Во все времена появление наемничества исследователи рассматривают в перспективе «конца государства»: разрушение античного полиса, Римской империи, упадка княжеств в эпоху Возрождения.

В классической Греции после Пелопоннесской войны и особенно в эпоху походов Александра Македонского происходит разрушение основ классического греческого полиса и формирование единого общегреческого пространства, что предполагает изменение принципов политической, экономической, правовой и военной организаций. К факторам, способствующим разрушению замкнутости греческих полисов, относится появление единого социально-экономического пространства на территории эллинского мира; политическая борьба за уравнивание в правах граждан полиса и чужеземцев (метеки), постепенно стирающая границы между гражданами и метеками, а затем уже между эллинами и варварами; усиление роли в экономике негражданского населения и распространение наемничества (Шестова 2019: 113-114). Появление наемничества, с одной стороны, свидетельствует о слабости полисной организации, не способной обеспечить материальное положение граждан, с другой стороны, оно становится наиболее доступным способом заработать средства к существованию. В то же время наемничество становится источником внутренних распрей. Обращаясь к истории Сиракуз, Аристотель пишет: «...когда иноземцы и наемники получили гражданские права, возникли внутренние смуты и дело дошло до вооруженного столкновения. Большая часть гражданского населения Амфиполя была изгнана из города принятыми в число граждан поселенцами из Халкиды» (Аристотель 2012: 1303b 178-179).

Доминирование наемных войск над ополчением граждан означает конец идеи полисного патриотизма, под которым понимается любовь к родному городу (τό φίλοπλι). «Наемники, сражаясь сегодня под одним знаменем, завтра под другим, послезавтра под третьим, исповедуют принцип “Ubi

bene, ibi patria / Где хорошо, там и родина», отрываясь от полисной системы ценностей» (Шестова 2019: 114). В представлении древних греков патриотизм (φιλότης) является позицией гражданина, занимающего на определенный срок политические, судебные, военные должности. Традиционно самые сильные патриотические чувства у древних греков связаны с войнами, в частности, в период греко-персидской войны «гимном» патриотизма считались строки песни: «О сыны эллинов! Идите, освободите родину, освободите детей, жен, богов отеческих храмы, могилы предков, бой идет теперь за все» (Рунг 2013: 308). В этом смысле наемник противопоставлен гражданину-ополченцу, а наемничество разрушает основы объединения граждан (κοινωνία πολιτών), готовых встать на защиту своей Родины. В условиях ослабления государства наемничество становится источником дохода, а наемника греки называют словом «μισθο-φόρος», обозначающим того, кто получает плату, то есть является наемным или наемником². Греки, высоко ценившие мужество и отвагу в военном деле, в то же время с неодобрением смотрели на деятельность, связанную с извлечением личной прибыли (плата / жалование), которая делает человека невосприимчивым к пониманию общих целей. Однако размывание институтов полисного гражданства вынуждает человека эпохи эллинизма принять идеологию космополитизма, которая выполняет свою основную функцию – «разрушение границ коллективных суверенитетов» (Шестова 2019: 116).

Если обратиться к Западной Римской империи, то ее упадок исследователи связывают непосредственно с использованием в армии отрядов варваров – готов, саксов, сарматов, франков и т.д. Еще Н. Макиавелли отмечал, что крушение Римской империи «произошло только потому, что начали нанимать на военную службу готов. Так подрывались понемногу силы Римской империи, и вся ее доблесть передавалась варварам» (Макиавелли 1998: 98). Использование наемников объясняется как огромными людскими потерями, которые несла римская армия во время постоянных военных походов, так и нежеланием граждан идти на военную службу, которая перестала рассматриваться ими как обычная обязанность. В период заката Западной Римской империи распространенной практикой становится откупная плата (aureum tironicum) за то, чтобы не служить в римской армии. В конце IV в. н.э. основу римской армии составляли наемники-варвары, численность которых превосходила рекрутов из числа граждан империи. В более ранние периоды отряды варваров представляли собой дополнительную силу римской армии: германцы сражались под началом Вителлия в битве при Кремоне, на службе Веспасиана находились отряды двух свевских вождей, Марк Аврелий использовал германцев в войнах на Дунае. Начиная с III в. тенденция наемничества усиливается таким образом, что граждане империи, воюющие в армии, по численности начинают уступать чужеземным наемникам: Клавдий II побежденных готов включает в состав своей армии, Проб рекрутирует в пограничные гарнизоны варваров из разоренной

² Вейсман А.Д. 1991. Греческо-русский словарь. Репр. 5-го изд. 1899 г. Москва : Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина. Стб. 820.

Галлии, армия Константина уже в основном состоит из варваров (Тойнби 1996: 317). Уничтожение одних варваров силами других и включение их в ряды римской армии имеет свои негативные последствия, а именно «вовлечение варварских войск во внутренние дела государства, прежде всего в борьбу за власть» (Ермолова 2015: 37). В результате власть переходит к варварам, которые из бывших наемников превращаются в завоевателей фактически уже разрушенной Римской империи.

В эпоху Возрождения Н. Макиавелли рассматривает упадок княжеств на примере использования итальянскими государями чужеземных войск. Наемничество он расценивает как негодный военный опыт, поскольку, если войско разбито – государство уничтожено, если же войско победило – государь оказывается в плену у армии наемников. Защита государства и сохранение власти государя возможны только в том случае, если государь опирается на собственные вооруженные силы, «предпочитая проигрывать со своими, чем побеждать с чужими» (Макиавелли 1998: 96). Собственные войска, сформированные из подданных, то есть из граждан, защищают всегда не только государя, но и самих себя: «без собственных войск ни одно княжество не находится в безопасности; наоборот, оно всецело отдано на волю судьбы, не имея той силы, которая защищала бы его в несчастье» (Макиавелли 1998: 98). Таким образом, как показывает исторический опыт, если вооруженные силы не состоят из граждан страны, а армия не представляет собой вооруженные отряды граждан, то любое государственное устройство (полис, империя, княжество) подходит к своему концу и разрушается. Разрушение и упадок государства затрагивают не только народ, но и власть.

В эпоху глобализации происходит расширение значений понятий «наемник» и «наемничество». Экономической основой современной космополитизации выступают силы, связанные с глобальными рынками, деятельностью транснациональных корпораций, иницилирующих социальную мобильность локального населения и размывающих институты национального гражданства. Трудовая миграция приобретает характер наемничества, то есть оплаченной деятельности, но при этом не связанной исключительно с военным поприщем. Современное наемничество имеет в большей степени экономический смысл, в соответствии с которым под наемником понимается в основном «наемник капитала».

В современном мире наемником считается приглашенный из-за рубежа специалист-инженер, разрабатывающий новые виды вооружений и военной техники. Страна, принимающая мигрантов, поощряет иммиграцию квалифицированных специалистов, поскольку она восполняет дефицит кадров и существенно экономит на затратах на образование собственных специалистов. Наемником становится рабочий-гастарбайтер, который трудится на предприятии, выпускающем оружие и системы защиты государства. Международная миграция рабочей силы, побуждающая людей переезжать в поисках лучших условий жизни, обусловлена постоянно усиливающимся неравенством между богатыми и бедными странами. Как следует из Доклада о мировой миграции за 2024 г., международная миграция остается условием экономического роста стран с низким и средним уровнем дохо-

да. Из 831 миллиарда долларов денежных переводов 647 миллиардов были отправлены мигрантами в свои страны³. Положительным моментом миграции для стран-экспортеров трудовых ресурсов исследователи считают «приобретение трудовыми мигрантами более высокой квалификации и новых знаний, что помогает при возвращении на родину внести ощутимый вклад в экономическое развитие страны», но при условии, что трудовые мигранты имеют возможность для повышения квалификации и приобретения нового опыта, а также захотят применить полученный опыт в своей родной стране, а не остаться за границей. «Однако, как показывает практика, возвращаются на родину в основном менее удачливые работники, а более удачливые остаются за рубежом» (Антропов 2020: 164). Наемником может считаться иностранец, пишущий законы страны или участвующий в экономических, политических реформах в статусе эксперта. Наемником может быть и глава государства в стране, приговоренной к маргинальному положению в глобальном мире (Хардт, Негри 2006: 71).

Однако наемник-солдат, привлеченный государством для проведения военных операций, остается, как и прежде, самой распространенной фигурой, свидетельствующей о том, что в настоящее время практически все армии мира являются наемными. Доминирование наемничества в этой сфере наиболее полно демонстрируют частные военные компании. В мире экономической глобализации формируется «рынок» наемников, используемых как государством, так и преступными организациями (наркокартели). При этом наемники не подчиняются «никаким правилам, конвенциям или же ограничениям, которые налагались бы на их действия» (Бенуа 2014: 53). Основу наемничества составляют деньги, а где есть деньги, там появляется коррупция. Армия, состоящая из наемников, свидетельствует о кризисе национального государства, вызванном глобализацией, нарушившей взаимосвязь между трудом и капиталом и неспособной создать новые рабочие места. Показателями кризиса государства являются: увеличение неравенства в возможностях трудоустройства, снижение количества рабочих мест, доходов населения и уровня жизни, санкционирование правительствами завоза нелегальных трудовых мигрантов как низкооплачиваемой и неквалифицированной рабочей силы.

В современной социальной философии выход из кризиса исследователи видят в возрождении традиции патриотизма, а патриот начинает рассматриваться в качестве фигуры, которая противопоставляется не столько космополиту, сколько наемнику как маркеру космополитизации мира. Наемничество – это «только один из возможных путей в будущее. Другой – это возрождение *amor patriae*, любви к своей стране» (Хардт, Негри 2006: 72).

В ситуации глобальной трансформации мира возрождение патриотизма требует *реэмиграцию* людей из глобализованного мира в мир любви

³ Доклад о мировой миграции за 2024 год – Глобальные тенденции и проблемы в области мобильности людей. URL: <https://www.newscentralasia.net/2024/05/09/doklad-o-mirovoy-migratsii-za-2024-god-globalnyye-tendentsii-i-problemy-v-oblasti-mobilnosti-lyudey/> (дата обращения 12.06.2024).

к Родине. В данном случае под реэмиграцией понимается не физическое возвращение эмигрантов в страну первоначального проживания, а внутреннее движение, возвращающее людей к самим себе. Такое возвратное движение является рефлексивным процессом, позволяющим индивиду открыть в самом себе иные ипостаси, а именно: гражданина, согражданина и соотечественника. Если раньше патриотизм соотносился с эмоциональной и аффективной позицией множества людей, а космополитизм в мире национальных государств, наоборот, представлялся как сознательная и расудочная позиция одиночек, то в настоящее время именно патриотизм становится осознанной позицией множества индивидов, то есть того самого локального населения, живущего в условиях трансформации национального государства. Современное возрождение патриотизма можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, как локальный процесс, разворачивающийся на глобальной территории мира, во-вторых, как глобальный процесс на локальной территории.

Патриотизм как проект любви к человечеству

В настоящее время концепт патриотизма все чаще становится темой исследований не только в отечественной (Верещагина, Кумыков 2021; Павлов 2018а; Павлов 2018b; Пороховская 2015; Яркеев 2023 и др.), но и в зарубежной философии (Валлерстайн 2006; Нуссбаум 2006; Тейлор 2006; Anderson 2003; Baron 1989; Macintyre 1984; Moore 2009; Nathanson 2016; Van Hooft 2009; Vincent 2009). Однако глобализация придает современному патриотизму антиглобалистский характер, в широком смысле этого слова отличающий его от полисного патриотизма и национализма государства-нации. Среди большого разнообразия работ, сосредоточенных в основном на дискуссиях о патриотизме как явлении, возрождающем национализм, особый интерес вызывает концепция М. Хардта и А. Негри. Несмотря на то что у них патриот является проходным персонажем, которому в работе «Множество: война и демократия в эпоху империи» посвящено несколько страниц, он рассматривается в контексте процессов глобализации как позитивная фигура, не только противостоящая наемнику, но и показывающая иной путь политического устройства мира (Хардт, Негри 2006: 70-73).

Для того чтобы понять суть современной фигуры патриота, считают М. Хардт и А. Негри, необходимо обратиться к миграционным движениям (бегство, исход, номадизм), инициированным процессами глобализации в виде неконтролируемого и непреодолимого исхода людей из деревни в город, из провинции в мегаполис, из страны в страну, с континента на континент. В этих движениях потоки политических беженцев перемешаны с перемещениями работников интеллектуального труда, массовыми передвижениями сельскохозяйственных и промышленных рабочих, а также рабочих, занятых в сфере услуг. Это явление дополняется волнами нелегальной миграции. Если первые строки Манифеста Коммунистической партии К. Маркса и Ф. Энгельса «Призрак бродит по Европе – призрак ком-

мунизма» являются началом рассуждения о пролетариате как политическом субъекте, то М. Хардт и А. Негри, провозглашая тезис «Призрак бродит по миру, и это – призрак миграции», обосновывают появление множества как новой политической субъектности в мире глобализации (Хардт, Негри 2004: 201). Множество представляет собой *новых варваров*, прокладывающих собственные тропы жизни посредством материального существования (Хардт, Негри 2004: 203). Однако как в Древней Греции, так и в Риме именно варваров называли патриотами (*πατριώτης* / *patriōtai*), поскольку они не имели ничего, кроме своего отечества (Kantorowicz 1951: 474). Появление новых варваров ставит вопросы: «Кто такие патриоты в мире глобализации?» и «Что такое патриотизм в мире наемничества?», ответ на которые требует заново интерпретировать концепцию *amor patriae* – любовь к своей стране, которая не имела бы «ничего общего с национализмом или популизмом» (Хардт, Негри 2006: 72).

В данном случае М. Хардт и А. Негри обращаются к трактовке понятия «*Pro Patria Mori*» (смерти за Родину) Э. Х. Канторовича (Kantorowicz 1951). Проследивая историю развития идеи *Pro Patria Mori* от древнегреческой и римской традиции, Э.Х. Канторович показывает, что ее современное значение сформировалось только в эпоху Возрождения, когда появляется политическое значение слова *patria* (отечество), символизирующее национальную и территориальную общность, свидетельствующую о том, что с этого времени человек обязан любить свою Родину больше, чем себя самого. С XIII в. *amor patriae* начинает интерпретироваться в аспекте республиканского *caritas*, под которым понимается чувство симпатии к собратьям, а ее высшим проявлением является смерть гражданина за своих соотечественников (Kantorowicz 1951: 489-490). Он как бы показывает, что *amor patriae* не связано напрямую с национализмом, поскольку является более широким понятием, подразумевающим чувство симпатии к своим братьям и/или соотечественникам.

Отталкиваясь от исторических интерпретаций *amor patriae*, М. Хардт и А. Негри расширяют его трактовку, показывая, что братьями может считаться и все человечество, а *amor patriae* необходимо рассматривать как любовь к человечеству (*amor humanitatis*), которая выходит за пределы любой нации. В связи с этим и патриотизм в современном мире «свойственен тем, у кого нет нации» (Хардт, Негри 2006: 73). Образцами проявления любви к человечеству они считают сражение санкюлотов⁴ при Вальми (20 сентября 1792 г.) в период Великой Французской революции, которое остановило продвижение прусской армии; битвы вьетнамских крестьян, воевавших на стороне антиколониальных войск во время Войны Сопrotивления (1945–1954) (Хардт, Негри 2006: 72).

⁴ Санкюлоты (от франц. *sans* – без; *culotte* – короткие штаны), термин времен Великой Французской революции. Аристократия называла санкюлотами представителей городской бедноты, носивших в отличие от дворян не короткие, а длинные штаны. В годы якобинской диктатуры (1793) «санкюлоты» – это самоназвание революционеров.

В эпоху экономической глобализации *amor humanitatis* оказывается связующей силой для сингулярного множества, рассеянного на глобальном пространстве мира. Если на глобальном уровне М. Хардт и А. Негри говорят о нем как о новой политической субъектности, то на локальном – множество является фигурой нового Давида, способного победить Голиафа (Хардт, Негри 2006: 72). В данном случае Голиаф олицетворяет собой имперскую власть, которая устанавливает монополию на ядерное оружие, контроль над деньгами и колонизирует эфир. Имперская власть действует посредством разрушения (ядерная бомба), наказания (деньги), запугивания (коммуникации), стремясь поработить континенты, страны и народы.

Если обратиться к библейской легенде, повествующей об эпической битве между Давидом и Голиафом, то в ней можно выделить две смысловые линии: мужество защитника и любовь к собратьям. С одной стороны, Давид символизирует победу мужества над воинственной силой. Будучи пастухом, а не профессиональным воином, он проявляет это качество в самом желании вступить безоружным в неравный бой с противником, превосходящим его в силе: «взял посох свой в руку свою, и выбрал себе пять гладких камней из ручья, и положил их в пастушескую сумку, которая была с ним; и с сумкою и с пращею в руке своей выступил против Филистимлянина» (1Цар.17:40). В Библии Голиаф описывается великаном-воином, увидев которого все бежали от страха: «ростом он – шести локтей и пяди. Медный шлем на голове его; и одет он был в чешуйчатую броню, и вес брони его – пять тысяч сиклей меди; медные наколенники на ногах его, и медный щит за плечами его; и древко копья его, как навои у ткачей; а самое копье его в шестьсот сиклей железа» (1Цар.17:4-7). С другой стороны, Давидом движет любовь к соотечественникам, желание защитить их от порабощения филистимлянами: «вы будете нашими рабами и будете служить нам» (1Цар.17:9).

В концепции М. Хардт и А. Негри выделяется несколько ипостасей патриота как нового Давида. Во-первых, патриот представляется *борцом*, который, движимый любовью к человечеству (*amor humanitatis*), воюет за освобождение всего человечества от власти Империи. Патриот демонстрирует переход от потенциальной мощи множества к действительности борьбы, которая проходит под лозунгом «Другой мир возможен!». В этой ипостаси патриот в смысловом плане близок пролетариям К. Маркса и Ф. Энгельса, которые борются с буржуазией «в интересах огромного большинства» (Маркс, Энгельс 1955: 435). Патриотизм оказывается позицией, объединяющей соотечественников в борьбе с последствиями экономической глобализации, которая разворачивается на локальных территориях национальных государств – восстановление заброшенных территорий, обанкротившихся предприятий и хозяйств, осваивание неиспользуемых земель. В данном случае «процессом восстановления руководят те же люди, которые пострадали» от экономической глобализации (Кляйн 2009: 599). Восстановление жизни и реконструкция хозяйств являются актами сопротивления, которое ведется в интересах огромного большинства людей, отстаивающих свое право на жизнь.

Во-вторых, патриот представляется *республиканцем*, вступающим в борьбу с Империей капитала за установление всемирной демократии, управляемой множеством. «Быть республиканцем означает прежде всего бороться изнутри, возводя контримперские конструкции на гибридной, меняющейся территории» (Хардт, Негри 2004: 206). Всемирная демократия становится проектом социальной справедливости, обеспечивающим равенство возможностей всем гражданам. Это предполагает восстановление либеральных демократических институтов, подвергшихся реконструкции в эпоху глобальной экономики, которая проводилась на основе принципов, изложенных М. Фридманом: снижение налогов, свобода торговли, приватизация части государственных функций, уменьшение расходов на социальную сферу, ослабление государственного контроля (Фридман 2006).

В-третьих, патриот является *революционером*. В связи с этим и патриотизм рассматривается в качестве революционной силы, направленной на изменение мира и способной осуществить переход от имперского к республиканскому устройству и в его границах получить возможность реализовать проект всемирной демократии. В данном случае патриот максимально близок профессиональному революционеру В. И. Ленина, который писал о необходимости создания крепкой революционной организации, способной нанести решительный удар по абсолютизму. Организационным принципом профессиональных революционеров, по В. И. Ленину, является конспирация, что превращает ее в «заговорщическую» организацию, поскольку французское слово «конспирация» равнозначно русскому «заговор» (Ленин 1963: 136). Как и профессиональный революционер, работающий нелегально, патриот представляется в концепции М. Хардта и А. Негри заговорщиком. «Более чем когда-либо этот вид патриотизма принимает форму заговора, в котором участвуют многие, продвигаясь к необходимым решениям общим стремлением масс» (Хардт, Негри 2006: 73). Патриот выступает под разными именами – борец, республиканец, революционер, каждое из них демонстрирует разные его ипостаси, задействованные в глобальной борьбе множества, базирующейся на amor humanitatis как политической любви, являющейся силой, которая связывает очаги борьбы в локальном пространстве глобального мира.

В концепции М. Хардт и А. Негри патриотизм представляется проектом будущего, при этом патриот как действующий персонаж его реализации является актуальной фигурой настоящего. Объединенные силой amor humanitatis, патриоты стоят в авангарде борьбы за освобождение всего человечества. Поскольку проект установления всемирной демократии еще не реализован, патриоты должны постоянно вести борьбу на локальных территориях. Несмотря на то что у М. Хардта и А. Негри речь идет о глобальном пространстве, патриотизм зарождается на локальных территориях, а патриот является гражданином конкретного государства. Чем больше локальных очагов борьбы с имперской властью глобалистов будет возникать в настоящем, тем быстрее человечество реализует этот проект. Патриотизм как проект будущего здесь выступает в качестве прогрессивной утопии,

в которой идеальный образ грядущего человечества (всемирная демократия) становится целью, определяющей направление борьбы. При этом сам патриот является парадоксальной фигурой, создающей образ прогрессивно мыслящего человека, опережающего свое время, но именно его несвоевременные действия способны подорвать власть Империи глобалистов и транснациональных элит.

Патриотизм как проект возрождения демократии равенства

Патриотизм как глобальный процесс на локальной территории раскрывается в концепции отечественного философа А. С. Панарина, который считает, что экономическая глобализация непосредственно связана с процессами радикальной сегрегации общества: разделением его на пресыщенные верхи и обманутые в своих завышенных потребительских ожиданиях низы. Такая ситуация создает возможность для новой «революции сознания», открывающей горизонт для гуманистического преобразования человека, поскольку знаменует собой переход от индивида-потребителя к социально ответственному гражданину.

«Революция сознания» затронет тех, кто исключен из состава массового потребительского общества, навязанного экономической глобализацией. В данном случае *исключение* из негативного принципа дискриминации и сегрегации становится позитивным принципом, открывающим поэтапный процесс. «Революция сознания, – считает А.С. Панарин, – будет происходить не спонтанно, а под влиянием краха прежних завышенных потребительских ожиданий, и потому в авангарде ее скорее станут не потребительски пресыщенные верхи общества, а в который раз обманутые низы» (Панарин 2002: 379). В этом смысле «революцию сознания» можно рассматривать по аналогии с реэмиграцией людей как внутреннее движение, возвращающее их к самим себе как согражданам и соотечественникам.

«Революцию сознания» можно рассмотреть на основе нескольких «поворотов», происходящих в сознании индивидов. Первый «поворот» связан с антипотребительской *революцией сознания индивидов*, инициированной их радикальным разочарованием. Разочарование становится состоянием, лишаящим локальное население каких-либо иллюзий относительно экономической глобализации, массового потребительского общества и единого открытого мира, в котором индивид, утративший Родину, может быть только наемником. На этом этапе происходит переход от асоциальной чувственности (проявляется в предельной расслабленности) и равнодушия (индивид реагирует только на самые примитивные импульсы и раздражители, идущие от всемирной «индустрии удовольствия») к новому типу эмоциональной впечатлительности.

Появление новой социальной впечатлительности способствует внутреннему изменению индивида-потребителя, он начинает ощущать себя личностью, для которой свойственны конструктивные формы мысли. Личность противостоит индивиду-потребителю как человеку сугубо экономическому, которого и называют «*homo oeconomicus*». Как считает Х. Арендт,

переход от *homo* к *persona* ставит предел дальнейшей «анимализации» человека (Арендт 2013: 45-46).

Второй «поворот» связан с *возрождением социальной ответственности*, свойственной гражданину, воспринимающему свою страну реалистически как национальную территорию, которая остается его единственным домом. Если десоциализированный индивид-потребитель существует в потоке желаний, то позиция гражданина формируется в процессе мышления. Социальная ответственность инициирует появление рефлексивной позиции, когда вопрос «Что я должен делать?» оказывается вопросом социального существования гражданина, осознающего в полной мере свою ответственность. В данном случае декартовское «Я мыслю, следовательно, существую» (*ego cogito, ergo sum*) можно перевести и таким образом: «Я мыслю, следовательно, отвечаю за свое социальное существование».

Если обратиться к общеевропейской концепции гражданина, то греческое *πολίτης* и латинское *civis* были непосредственно связаны с городом (*πόλις, civitas*) как специфической формой организации человеческого общежития в Древнем мире. Одним из значений слова *πολιτεία* является «совокупность граждан» (Ридель 2016: 6-7). В связи с греческой моделью человек может присвоить себе статус гражданина только тогда, когда способен указать, гражданином какого города (*πόλις*) он является. В соответствии с латинской моделью термин *civitas* буквально обозначает совокупность *civis* сограждан: «некто может объявить себя “гражданином” лишь через определение отношений согражданства» (Декомб 2011: 410). Экономическая глобализация формирует наемников и бездомных кочевников, а гражданская позиция создает условие для восстановления общества согласия граждан, «которым некуда мигрировать и не на что менять родную землю» (Панарин 2002: 392) и которые не могут опереться ни на кого, кроме своих сограждан. Однако возвращение к самому себе как гражданину требует мужества и мобилизации человеческого духа, выражающиеся в твердой решимости человека отвечать как перед самим собой, так и перед своими согражданами: «мужество локализует, ориентирует нас в ситуации глобальной дезориентации» (Бадью 2008: 99).

Третий «поворот» связан с процессами *возрождения гражданского патриотизма*. В мире экономической глобализации патриотизм является сознательной позицией множества граждан, обладающих мужеством противостоять космополитическому выбору транснационального меньшинства. «Заново окажется затребованным аскетический опыт во всех его проявлениях – от неприметной бытовой аскетики неприхотливых “извозчиков повседневности” до аскетики социального и воинского служения, жречества и пророчества» (Панарин 2002: 381). Патриотизм как рефлексивная позиция формируется на основе императива долженствования, который является не внешним требованием, а внутренней установкой гражданина, диктующего самому себе: «ты должен сейчас поступить так-то», «делай то-то», «ты должен...». Фигура патриота выступает основанием нового гражданского консенсуса, требующего от личности не чувственной расслабленности, а внутренней сосредоточенности, которая проявляется в чувстве социальной

ответственности не только за себя, но и за другого. Новая социальная ответственность и есть возрождение чувства ответственности друг за друга.

Новый политический порядок выстраивается на основе «демократии равенства». Равенство в самодисциплине, в профессиональной и гражданской ответственности формирует фигуру патриота, символизирующую единство граждан. В этом случае патриот по своей сути является *демократом*, выступающим за социальную справедливость и демократическую доступность. Идея «демократии равенства», лежащая в основе нового политического порядка, реализуется в пределах национальной территории, то есть показывает общество территориальной демократии, требующей перманентного гражданского участия. «Речь идет, – пишет А. С. Панарин, – о демократии хозяев собственного города, поселка, региона, а хозяину противопоказаны равнодушие и расслабленность» (Панарин 2002: 394).

В данной концепции формирование позиции патриотизма рассматривается как внутренний процесс сознания – самосознания – мышления у индивидов, для которых национальная территория, как и раньше, остается единственным домом. Становление фигуры патриота предполагает осознание людьми самих себя как сограждан и соотечественников, способных мыслить в категориях единства и согласия и создающих круг единомышленников. В данном случае мышление патриота противостоит как глобалистскому самосознанию «граждан мира», так и атомизированному «эмигрантскому» сознанию индивида, отвергающему любые обязательства во имя индивидуалистической «морали успеха».

Заключение

В современном мире глобальные процессы, непосредственно связанные с изменением экономической модели мира, инициировали появление новых форм социальной мобильности. Шоковая терапия экономической глобализации одних людей ставит в сложную жизненную ситуацию, вынуждая покинуть свою родную страну, превращая их в «неграждан», в то время как другие, используя преимущества глобализации, переезжают в страны с более комфортными условиями проживания, в которых они оказываются «чужестранцами». Космополитизм как идеология мирового гражданства замещается общим для всех процессом космополитизации, отражающим экономическую позицию индивидов, вовлеченных в глобализацию на уровне образа жизни. Однако космополитизация доводит идею глобального гражданства до предела, показывая ее зависимость от «капитала подвижности», а значит, от денег. Разделение мира на транснациональные элиты и локальное население завершается тем, что последним отводится роль наемников капитала. Появление наемничества во все времена непосредственно связывалось с ситуацией кризиса государства (полис, княжество, национальное государство). В эпоху экономической глобализации происходит расширение значений понятия «наемник», под которым понимается специалист-инженер, рабочий-гастарбайтер, наемник-солдат и т.д.

Ответной реакцией на процессы глобализации становится возвращение патриотизма как позиции, придерживаться которой сознательно начинает множество людей. Современный патриотизм, с одной стороны, выступает как антиглобалистская позиция индивидов, с другой стороны, как реакция населения на шок, вызванный экономической глобализацией. Возвращение к патриотизму в условиях глобализации возможно в результате реализации двух проектов: во-первых, проекта борьбы за всемирную демократию в рамках республиканского устройства мира, во-вторых, проекта возрождения демократии равенства.

Патриотизм как проект любви к человечеству выстраивается на основе amor patriae, которое в работах М. Хардта и А. Негри понимается как чувство симпатии к своим братьям, объединяющее патриотов, борющихся против империи глобалистов и транснациональных элит за идеалы человечества. Несмотря на то что авторами высказывается мысль о невозможности возродить патриотизм в границах национального государства, безвозвратно разрушенных неуправляемыми миграционными процессами, патриотизм у них возникает на локальных территориях. Именно гражданин конкретного государства выступает в роли борца, совместно с соотечественниками занимающегося обустройством жизни, восстанавливающего промышленные предприятия, сельское хозяйство; республиканца, поддерживающего проект социальной справедливости, который обеспечивает равенство возможностей гражданам страны; революционера, борющегося за установление принципов республиканского устройства, подрывающего власть транснациональных элит. В этой концепции патриот оказывается в большей степени фигурой действия, символизирующей возможность и необходимость борьбы за лучшую жизнь.

Патриотизм как проект демократии равенства связан с «революцией сознания» у тех, кто исключен из состава массового потребительского общества. В данном случае «революция сознания» начинается с антипотребительской революции и представляет собой внутренний процесс реэмиграции: сознания – самосознания – мышления. В результате такого процесса происходит переход от индивида-потребителя к личности – социально ответственному гражданину – патриоту. В рамках концепции А.С. Панарина формируется представление о патриоте-гражданине и возрождении гражданского патриотизма. Патриотизм представляется как рефлексивная позиция граждан, выступающих за идеалы «демократии равенства». Патриот является демократом, поддерживающим идеалы социальной справедливости и равенства в пределах национальной территории. Эта концепция демонстрирует процесс перехода на позицию патриотизма как процесс мышления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антропов В.В. 2020. Международная трудовая миграция: современные тенденции и экономические последствия // Социально-трудовые исследования. № 4. С. 155–167. DOI 10.34022/2658-3712-2020-41-4-155-167

Арендт Х. 2013. Ответственность и суждение / пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. Москва : Изд. Ин-та Гайдара. 352 с.

Аристотель. 2012. Политика / пер. с древнегреч. С.А. Жебелева // Аристотель. Политика. Москва : АСТ : Астрель. С. 21–290.

Бадью А. 2008. Обстоятельства, 4: Что именует имя Саркози? / сост., пер. с фр. и примеч. С.Л. Фокина. Санкт-Петербург : Акад. исследования культуры. 192 с.

Бауман З. 2004. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.Л. Коробочкина. Москва : Весь мир. 188 с.

Бауман З. 2008. Текущая современность / пер. с англ. С.А. Комарова. Москва : Питер. 238 с.

Бек У. 2003. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 6, № 1. С. 24–53.

Бенуа А. де. 2014. Карл Шмитт сегодня / пер. с фр. С. Денисова. Москва : Ин-т общегуманит. исслед. 192 с.

Бровкин В.В. 2020. Космополитизм и патриотизм в греческой философии в период раннего эллинизма // Respublica Literaria. Т. 1, № 1. С. 25–39. DOI 10.47850/RL.2020.1.1.25-39

Валлерстайн И. 2006. Ни патриотизм, ни космополитизм // Логос. № 2 (53). С. 126–127.

Верещагина А.В., Кумыков А.М. 2021. Патриотическая тема в интеллектуальной традиции Российского общества // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова. № 1 (31). С. 175–181.

Декомб В. 2011. Дополнение к субъекту: Исследование феномена действия от собственного лица / пер. с фр. М. Голованивской. Москва : Новое лит. обозрение. 576 с.

Диоген Лаэртский. 1979. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева. Москва : Мысль. 620 с.

Ермолова И.Е. 2015. Варвары во внешней и внутренней политике Рима в IV–V вв. // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 9. С. 35–43. DOI 10.28995/2686-7249-2015-9-35-43

Кляйн Н. 2009. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф / пер. с англ. А. Завалова. Москва : Добрая кн. 656 с.

Ленин В.И. 1963. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Москва : Госполитиздат. Т. 6. С. 1–192.

Макиавелли Н. 1998. Государь // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / пред., коммент. Е. И. Темнова. Ростов-на-Дону : Феникс. С. 47–142.

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений : в 39 т. Москва : Политиздат. Т. 4. С. 419–459.

Мартьянов В.С. 2017. Политические пределы homo economicus // Общественные науки и современность. № 2. С. 104–118.

Нуссбаум М. 2006. Патриотизм и космополитизм // Логос. № 2 (53). С. 110–119.

Павлов А.В. 2018а. Патриотизм: социально-философский подход // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 83–94. DOI 10.17805/zpu.2018.2.8

Павлов А.В. 2018b. Патриотизм. Очень краткая история идеи // Философская антропология. Т. 4, № 1. С. 175–191. DOI 10.21146/2414-3715-2018-4-1-175-191

Панарин А.С. 2002. Искушение глобализмом. Москва : Эксмо-Пресс. 416 с.

Пороховская Т.И. 2015. Патриотизм в эпоху глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. № 2. С. 46–53.

Ридель М. 2016. Бюргер, гражданин, бюргерство/буржуазия (Bürger, Staatsbürger, Bürgertum) // Словарь основных исторических понятий : Избр. ст. в 2 т. / пер. с нем.

К. Левинсона; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред. пер. Ю. Араутова. Москва : Новое лит. обозрение. Т. 2. С. 5–92.

Рунг Э.В. 2013. Понятие «патриотизм» и его древнегреческие коннотации // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. С. 304–314.

Тейлор Ч. 2006. Почему демократия нуждается в патриотизме // Логос. № 2 (53). С. 130–131.

Тойнби А.Дж. 1996. Постигание истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова; сост. А.П. Огурцов; вступ. ст. В.И. Уколовой; заключит. ст. Е.Б. Рашковского. Москва : Издат. группа «Прогресс», «Культура». 608 с.

Урри Дж. 2012а. Мобильности / пер. с англ. А. Лазарева; вступ. ст. Н.А. Харламова. Москва : Издат. и консалтинг. группа «Праксис». 576 с.

Урри Дж. 2012б. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина. Москва : Издат. дом Высш. шк. экономики. 336 с.

Фридман М. 2006. Капитализм и свобода / пер. с англ. В. Козловского, предисл. И. Пильщикова. Москва : Новое изд-во. 240 с.

Хардт М., Негри А. 2004. Империя / пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. Москва : Праксис. 440 с.

Хардт М., Негри А. 2006. Множество: война и демократия в эпоху империи / пер. с англ. В.Л. Иноземцева. Москва : Культурная революция. 559 с.

Шестова Т.Л. 2019. Античные истоки современного космополитизма // Век глобализации. № 3. С. 108–122. DOI 10.30884/vglob/2019.03.10

Яркеев А.В. 2023. Роль политической теологии мученичества в становлении протонационального патриотизма в средневековой Европе // Антиномии. Т. 23, вып. 2. С. 7–26. DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_7

Anderson J. P. 2003. Patriotic Liberalism // *Law and Philosophy*. № 22. P. 577–595.

Baron M. 1989. Patriotism and «Liberal» Morality // *Mind, Value, and Culture: Essays in Honor of E.M. Adams* / ed. D. Weissbord. Atascadero : Ridgeview Publishing Co. P. 269–300.

Flamm M., Kaufmann V. 2006. Operationalising the Concept of Mobility: a Qualitative Study // *Mobilities*. Vol. 1, № 2. P. 167–189.

Kantorowicz E.H. 1951. Pro-Patria Mori in Medieval Political Thought // *The American Historical Review*. Vol. 56, № 3. P. 472–492.

Macintyre A. 1984. Is Patriotism a Virtue? Lawrence : Univ. of Kansas. 20 p.

Moore M. 2009. Is Patriotism an Associative Duty? // *Journal of Ethics*. № 13. P. 383–399.

Nathanson S. 2016. Immigration, Citizenship, and the Clash Between Partiality and Impartiality // *Citizenship and Immigration* / eds. A. Cudd and W.-C. Lee. New York : Springer. P. 137–152.

Van Hooft S. 2009. Political Patriotism // *Journal of Applied Ethics and Philosophy*. № 1. P. 20–29.

Vincent A. 2009. Patriotism and Human Rights: An Argument for Unpatriotic Patriotism // *Journal of Ethics*. № 13. P. 347–364.

References

Anderson J. P. Patriotic Liberalism, *Law and Philosophy*, 2003, no. 22, pp. 577–595.

Antropov V.V. International Labour Migration: Current Trends and Economic Consequences, *Social & Labor Research*, 2020, no. 4, pp. 155–167. DOI 10.34022/2658-3712-2020-41-4-155-167 (in Russ.).

Arendt H. *Responsibility and Judgment*, Moscow, Izдание Instituta Gaydara, 2013, 352 p. (in Russ.).

Aristotle. *Politics, Aristotel'. Politika*, Moscow, AST, Astrel', 2012, pp. 21–290. (in Russ.).

Badiou A. *What is Sarkozy's name: Circumstances*, 4, St. Petersburg, Akademiya issledovaniya kul'tury, 2008, 192 p. (in Russ.).

Baron M. Patriotism and «Liberal» Morality, *D. Weissbord (ed.). Mind, Value, and Culture: Essays in Honor of E.M. Adams*, Atascadero, Ridgeview Publishing Co, 1989, pp. 269–300.

Bauman Z. *Globalization. The human consequences*, Moscow, Ves' mir, 2004, 188 p. (in Russ.).

Bauman Z. *Liquid modernity*, Moscow, Piter, 2008, 238 p. (in Russ.).

Beck U. The Cosmopolitan Society and its Enemies, *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2003, vol. 6, no. 1, pp. 24–53. (in Russ.).

Benoist A. de. *Carl Schmitt Today*, Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2014, 192 p. (in Russ.).

Brovkin V.V. Cosmopolitanism and Patriotism in Greek Philosophy During the Early Hellenistic Period, *Respublica Literaria*, 2020, vol. 1, no. 1, pp. 25–39. DOI 10.47850/RL.2020.1.1.25-39 (in Russ.).

Descombes V. *Addition to the Subject: Study of the Action Phenomenon on One's Own Behalf*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 576 p. (in Russ.).

Diogenes Laertius. *The lives, opinions, and remarkable sayings of the most famous ancient philosophers*, Moscow, Mysl', 1979, 620 p. (in Russ.).

Ermolova I. The Barbarians in the Roman Foreign and Home Politics in the IV–V Centuries, *RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 2015, no. 9, pp. 35–43. DOI 10.28995/2686-7249-2015-9-35-43 (in Russ.).

Flamm M., Kaufmann V. Operationalising the Concept of Mobility: a Qualitative Study, *Mobilities*, 2006, vol. 1, no. 2, pp. 167–189.

Friedman M. *Capitalism and Freedom*, Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2006, 240 p. (in Russ.).

Hardt M., Negri A. *Empire*, Moscow, Praksis, 2004, 440 p. (in Russ.).

Hardt M., Negri A. *Multitude. War and Democracy in the Age of Empire*, Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2006, 559 p. (in Russ.).

Kantorowicz E.H. Pro-Patria Mori in Medieval Political Thought, *The American Historical Review*, 1951, vol. 56, no. 3, pp. 472–492.

Klein N. *The Shock doctrine. The rise of disaster capitalism*, Moscow, Dobraya kniga, 2009, 656 p. (in Russ.).

Lenin V.I. What Is to Be Done? Burning Questions of Our Movement, *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy : v 55 t.*, Moscow, Gospolitizdat, 1963. vol. 6, pp. 1–192. (in Russ.).

Machiavelli N. *The Prince. Discourses on the First Decade of Titus Livius*, Rostov-on-Don, Feniks, 1998, pp. 47–142. (in Russ.).

Macintyre A. *Is Patriotism a Virtue?* Lawrence, Univ. of Kansas, 1984, 20 p.

Martyanov V. The Political Limits of “Homo Economicus”, *Social Sciences and Contemporary World (ONS)*, 2017, no. 2, pp. 104–118. (in Russ.).

Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party, *Marks K., Engel's F. Polnoe sobranie sochineniy : v 39 t.*, Moscow, Politizdat, 1955, vol. 4, pp. 419–459. (in Russ.).

Moore M. Is Patriotism an Associative Duty? *Journal of Ethics*, 2009, no. 13, pp. 383–399.

Nathanson S. Immigration, Citizenship, and the Clash Between Partiality and Impartiality, *A. Cudd, W.-C. Lee (eds.). Citizenship and Immigration*, New York, Springer, 2016, pp. 137–152.

Nussbaum M. Patriotism and Cosmopolitanism, *Logos*, 2006, no. 2 (53), pp. 110–119. (in Russ.).

- Panarin A.S. *Iskushenie globalizmom* [Temptation by globalism], Moscow, Eksmo-Press, 2002, 416 p. (in Russ.).
- Pavlov A. Patriotism. Very Brief History of the Idea, *Philosophical anthropology*, 2018, vol. 4, no. 1, pp. 175–191. DOI 10.21146/2414-3715-2018-4-1-175-191 (in Russ.).
- Pavlov A.V. Patriotism: Social and Philosophical Approach, *Knowledge. Understanding. Skill*, 2018, no. 2, pp. 83–94. DOI 10.17805/zpu.2018.2.8 (in Russ.).
- Porokhovskaya T.I. Patriotism in the Globalization Epoch, *RUDN Journal of Philosophy*, 2015, no. 2, pp. 46–53. (in Russ.).
- Riedel M. Burgher, Citizen, Burghers, Yu. Zaretsky, K. Levinson, I. Shirle (eds.). *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: Izbr. st. v 2 t.*, Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, vol. 2, pp. 5–92. (in Russ.).
- Rung E.V. Patriotism and its Ancient Greek Connotations, *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2013, no. 2, pp. 304–314. (in Russ.).
- Shestova T.L. Antichnye istoki sovremennogo kosmopolitizma [Ancient roots of contemporary cosmopolitanism], *Vek globalizatsii*, 2019, no. 3, pp. 108–122. DOI 10.30884/vglob/2019.03.10 (in Russ.).
- Taylor Ch. Why Democracy Needs Patriotism, *Logos*, 2006, no. 2 (53), pp. 130–131. (in Russ.).
- Toynbee A.J. *A Study of History*, Moscow, Izdatel'skaya gruppa «Progress», «Kul'tura», 1996, 608 p. (in Russ.).
- Urry J. *Mobilities*, Moscow, Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa «Praksis», 2012, 576 p. (in Russ.).
- Urry J. *Sociology Beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century*, Moscow, Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki, 2012, 336 p. (in Russ.).
- Van Hooft S. Political Patriotism, *Journal of Applied Ethics and Philosophy*, 2009, no. 1, pp. 20–29.
- Vereshchagina A.V., Kumykov A.M. A Patriotic Theme in the Intellectual Tradition of Russian Society, *Izvestiya of Kabardino-Balkarian State Agrarian University Named after V.M. Kokov*, 2021, no. 1 (31), pp. 175–181. (in Russ.).
- Vincent A. Patriotism and Human Rights: An Argument for Unpatriotic Patriotism, *Journal of Ethics*, 2009, no. 13, pp. 347–364.
- Wallerstein I. Neither Patriotism Nor Cosmopolitanism, *Logos*, 2006, no. 2 (53), pp. 126–127. (in Russ.).
- Yarkeev A. The Role of the Political Theology of Martyrdom in the Formation of Proto-National Patriotism in Medieval Europe, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 7–26. DOI 10.17506/26867206_2023_23_2_7 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Викторовна Журбина

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, теории и практики социальных коммуникаций, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия;
ORCID: 0000-0002-0416-4665;
ResearcherID: GRR-2742-2022;
SPIN-код: 5979-0691;
E-mail: soloveyIV1@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Zhurbina

Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of History, Theory and Practice of Social Communications, Udmurt State University, Izhevsk, Russia;
ORCID: 0000-0002-0416-4665; ResearcherID: GRR-2742-2022;
SPIN-код: 5979-0691;
E-mail: soloveyIV1@mail.ru